Психология для студента

АЛЕКСАНДР АСМОЛОВ

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Александр Григорьевич Асмолов

Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека

Серия «Психология для студента»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3300775
Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека: Академия, Смысл; М.; 2007
ISBN 978-5-89357-258-2, 978-5-7695-5790-3

Аннотация

В учебнике психология личности предстает как история развития изменяющейся личности в изменяющемся мире. С привлечением разрозненных ранее фактов из эволюционной биологии, культурной антропологии, истории, социологии, филологии и медицины обсуждаются вопросы о происхождении человека, норме и патологии личности, социальных программах поведения, роли конфликтов и взаимопомощи в развитии личности, мотивации личности и поиске человеком смысла существования. Для преподавателей и студентов психологических факультетов университетов, а также специалистов пограничных областей человекознания, желающих

расширить горизонты своего сознания. 3-е издание, исправленное и дополненное.

Содержание

«Психология личности». Пятнадцать лет спустя 6
«Психология личности». Десять лет спустя 17
Предисловие 47
Раздел I 53
Глава 1 54
Особенности познавательной ситуации изучения личности 54
Многомерность феноменологии личности 58
Глава 2 82
Функции философской методологии и человекознание 82
Конец ознакомительного фрагмента. 84

Александр Григорьевич Асмолов Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека

Быть может, прежде губ родился шепот,
И в бездревесности кружилися листы,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.

Осип Мандельштам

Никому не рассказывайте своих снов.
Вдруг к власти придут фрейдисты.
Станислав Ежи Лец

«Психология личности». Пятнадцать лет спустя (предисловие к третьему изданию в жанре исповеди)

Психология – пристрастная наука. Уже самим фактом своего существования в семье наук о человеке, природе и обществе она бросает вызов идеалу рациональности, в духе которого веками оттачивалось естественно-научное мышление, гордящееся своей точностью, объективностью, независимостью и беспристрастностью. Жесткая логика, воспроизводимость результатов наблюдения, описание феноменов на языке математики – вот далеко не полный перечень атрибутов, без которых любой науке отказывалось в праве именоваться наукой[1].

Однако, как учит неумолимый опыт истории, лишь только вы встречаетесь с претензией на обладание одним и только одним путем к истине, лишь только в социальных или естественных науках слышите фразу «Правильной дорогой иде-

---

[1] Наиболее последовательно эти идеи раскрывает один из ведущих методологов современной психологии В.М. Аплахвердов, выразивший их формулой: «Миф о естественной науке умер. Да здравствует естественная наука!» (см.: *Аллахвердов В.М.* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003).

те, товарищи!», то знайте, что наука начинает перерождаться в веру. И вера в идеал рациональности как единственный образец построения научного знания в этом плане не составляет исключения.

Идеал рациональности упрощает картину мира, в известном смысле конструирует реальность, отфильтровывает факты, события и концепции, которые не укладываются в прокрустово ложе рациональных объяснений.

В результате из массового научного сознания, да простят меня собратья по научному цеху за подобное словосочетание, по всем правилам психоанализа вытесняется старое предостережение великого немецкого философа и математика Готфрида Лейбница о том, что *если бы геометрические аксиомы затрагивали интересы людей, то они бы опровергались.*

Будь на то моя воля, я бы большими сверкающими буквами высветил эту нематематическую аксиому Лейбница перед всеми теми, кто рискует посвятить свою жизнь психологии. *Психология во всех своих многочисленных ипостасях, и психология личности в первую очередь, не только затрагивает интересы людей и судьбы народов, но исходно превращает эти разнообразные интересы, страсти и мотивы человеческих поступков, таинства любви и скрытые пружины ненависти, взлеты и падения человеческого духа в предмет своего исследования.*

Тем самым психология изначально ставит под сомнение

универсальность идеала рациональности как не имеющего границ инструмента мышления, который возводят в абсолют многие представители классических наук[2]. Поражающий воображение парадокс познания, о котором в свое время откровенно говорил замечательный психолог Л.М. Веккер, состоит в том, что любые открытия этих наук неизбежно преломляются через призму индивидуального и массового сознания.

Поэтому, когда речь заходит об эволюции познания и попытках человеческого разума проникнуть за кулисы самых разных изобретений и открытий – будь то закономерности квантовой механики или синергетики, формула генетического кода или дистантное управление летящим к другим планетам космическим кораблем, – необходимо набраться смелости и сказать: «*Вначале была Психология*».

Или, как метафорично передает подобного рода откровение О.Э. Мандельштам, «прежде губ родился шепот».

Мысль о том, что психология, со-знание предшествует любому акту познания, каким бы «объективным» он ни казался, что, говоря словами основателя неклассической биологии активности Н.А. Бернштейна, *задача рождает орган*, вызывала и будет вызывать скептическое отношение у сторонников веры в универсальность рационального мышле-

---

[2] См. об этом, например: *Мамардашвили М.* Классический и неклассический идеалы рациональности. М., 2004; *Асмолов А.Г.* По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М., 2002.

ния. Они усматривают в этой мысли очередные изыски постмодернизма, гримасы неклассических и постнеклассических концепций рациональности (М.К. Мамардашвили, В. С. Степин, В.А. Лекторский, М.С. Гусельцева), игры в либеральную методологию (А.В. Юревич) или отзвуки анархической теории познания П. Фейерабенда.

Когда лиса не может достать виноград, то она, как заметили психоаналитики, *рационализирует* и обесценивает свою неудачу. Он оказывается зеленым, незрелым, я бы даже сказал, дефектным виноградом. Когда сторонники парадигмы рационального мышления встречаются с парадоксальным тезисом «Вначале была Психология», они напоминают психологам о таких отцах психологической науки, как Т. Фехнер, В. Вундт, Дж. Уотсон и И.П. Павлов, которые мечтали построить психологию по канонам классической физики. Они спешат заметить, что психофизика и экспериментальная психология тщательно изгоняли из исследований восприятия, памяти и мышления влечения и мотивы личности, лежащие в основе любых психических процессов. И они исторически правы.

Но, как в свое время писал Л.С. Выготский, именно за мотивами и аффектами открывается Жизнь. А когда из психологии изгоняют жизнь, то психологию покидает Душа. Тем самым возникает хрестоматийно известная ситуация, при которой из психологии вместе с водой выплескивается ребенок.

Печальным итогом подобной ситуации оказывается своеобразная родовая травма, которую переживали и переживают психологи самых разных школ и направлений, в том числе и автор настоящего предисловия. Порой эти переживания, свидетельствующие о возникшем при рождении психологической науки комплексе неполноценности, прорываются в сознание и облачаются в грустные строки:

Все можно
увидеть,
измерить
и взвесить,
Лишь Душу
нельзя
просчитать.
Веками
бессилье
психологов
бесит
И ночью
мешает
им спать.

Любое саморазоблачение имеет границы. Да и мудрый афоризм польского писателя Станислава Ежи Леца «Никому не рассказывайте своих снов. Вдруг к власти придут фрейдисты» напоминает мне, что *исповедь о комплексах далеко не всегда освобождает от самих комплексов.* К тому же ни-

когда не следует забывать, что одними из самых искусных мастеров испытания сознания были инквизиторы, которые уже не раз в многострадальной истории человечества в отличие от фрейдистов становились подлинными обладателями социальной и ментальной власти.

В связи с этим я не буду далее каяться в своих комплексах, а открыто и честно признаюсь в пристрастности в третий раз выходящего в жизнь учебника «Психология личности».

Один из первых читателей этого учебника – известный эстонский психолог П. Тульвисте, ученик А.Р. Лурия, в рецензии на первое издание «Психологии личности» в 1990 г. писал, что это учебник, скорее, по будущей методологии психологии личности, интегрирующей культурную антропологию, эволюционную биологию, системный и деятельностный подход в рамках психологической науки. Но учебник стоит издать, дабы психология личности как самостоятельное научное направление и университетская дисциплина смогла отстоять свое место под солнцем. Слова П. Тульвисте оказались без преувеличения сбывшимся пророчеством.

Дух времени привел к тому, что в Советском Союзе, а затем и в России *психология личности стала одной из интегрирующих дисциплин и востребованных направлений психологической науки.* На факультетах психологии – вначале в МГУ им. М.В. Ломоносова, а затем в ряде других вузов – появились кафедры и специализация по психологии личности. С каскадом фундаментальных учебников по психоло-

гии личности (в основном западных трудов, озаглавленных «Теории личности») могут поспорить разве что многочисленные издания по социальной психологии и клинической психологии. Интерес к психологии личности, в методологическом смысле сшивающей общую психологию и психологию личности, социальную психологию и психологию личности, клиническую психологию и психологию личности, культурную антропологию и психологию личности, менеджмент и психологию личности, растет не по дням, а по часам[3].

В такой социально-исторической ситуации учебник «Психология личности», надеюсь, остается методологическим путеводителем в этой области нашей науки именно в силу пристрастности и, осмелюсь заметить, *необщего* выражения лица.

Пристрастность этого учебника обусловлена несколькими причинами.

«Психология личности» пристрастна, прежде всего, потому, что установки мышления автора складывались в кругах общения *культурно-деятельностной школы в психологии*, или, как ее чаще называют, культурно-исторической школы Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия. Логика развиваемого в этой книге *историко-эволюционного подхода в психологии личности* была бы невозможна без диалогов с такой бессмертной плеядой психологов, как П.Я. Гальперин,

---

[3] См., например: *Иванов Вяч. Вс.* Наука о человеке: Введение в современную антропологию. Курс лекций. М., 2004.

Б.В. Зейгарник, А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин. К этой же плеяде я отношу своего ушедшего в 2004 г. друга – мастера междисциплинарного анализа в психологии, профессора кафедры психологии личности МГУ А.А. Леонтьева.

Для того чтобы читатели могли более рельефно ощутить дух *культурно-деятельностной неклассической психологии* , третье издание учебника «Психология личности» дополнено приложением «*Социальная биография культурно-исторической психологии: круги общения*», содержащим цикл статей о моих учителях, которые задавали координаты пристрастности всех исследований автора этой книги.

Во втором же приложении представлена полемика о проблемах психологии личности с таким ярким методологом науки, как Вадим Розин. Именно эта полемика позволила мне уточнить главный методологический ракурс третьего издания и назвать учебник «Психология личности: *культурно-историческое понимание развития человека*», а не «… *принципы общепсихологического анализа*».

Третья ось пристрастности учебника «Психология личности» связана с либеральным мировоззрением, которое исповедует автор, а тем самым с критическим отношением к любым тоталитарным или авторитарным системам, которые нивелируют личность и вынуждают человека, пользуясь названием классической книги Эриха Фромма, осуществлять «бегство от свободы».

Я учился духу свободы и достоинства в общении с пи-

сателем Владимиром Тендряковым, очерк которого «Люди или нелюди» является блестящим эссе по психологии личности. Обаянию вольного мышления я обязан философу Мерабу Константиновичу Мамардашвили, лекции которого стали для меня школой самостояния личности. В известном смысле именно под влиянием Владимира Тендрякова, Мераба Мамардашвили, а также известного фильма Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм» была написана статья «Психология “обыкновенного фанатизма”», которая приведена в третьем приложении настоящего учебника.

И наконец, еще одна из координат пристрастности этого учебника самым непосредственным образом связана с моей собственной биографией. Мой отец, Григорий Львович Асмолов, имя которого прочно вошло в историю советской энергетики, свято верил, что *наша страна станет страной свободы и достоинства.* Именно от него я унаследовал эту веру, а также немного наивное желание превратить различные научно-исследовательские и образовательные проекты в социальную реальность. Эта *установка на социальное проектирование реальности* отражена в статье «Практическая психология и проектирование вариативного образования в России: от парадигмы конфликта – к парадигме толерантности» и в публицистическом эссе «Как закалялась… “Молодая гвардия”», своего рода мольбе о прощении перед поколениями людей, попавших под жесткие жернова социально-экономических реформ девяностых годов ушедшего XX

века.

Я верю, что мифы и метафоры порой лучше передают смысл мировоззрения человека, чем самые строгие научные статьи. К таким мифам относится одна из притч о великом баснописце Эллады Эзопе.

> Раб Эзоп, добившийся свободы благодаря своей мудрости, из-за происков злой воли и коварства оказывается ложно обвиненным в воровстве. И тогда он задает вопрос схватившим его стражам храма:
>
> – Какая участь за кражу уготовлена рабу?
>
> – Раба побьют за прегрешение палками и вернут хозяину, – отвечают стражи.
>
> – А что ждет за тот же проступок свободного человека? – спрашивает окруживших его стражей Эзоп.
>
> – По законам Эллады свободного человека за кражу сбрасывают со скалы в пропасть, – говорят стражи.
>
> – Скажи, скажи скорей, что ты мой раб, и останешься жив, – уговаривает Эзопа его бывший хозяин.
>
> В ответ на это предложение Эзоп поворачивается к стражам и говорит:
>
> – *Где здесь пропасть для свободного человека…*

Выбор Эзопа – это выбор индивидуальности, приоткрывающий суть проходящей через всю эту книгу формулы: «*Индивидом рождаются. Личностью становятся. Индивидуальность отстаивают*». Выбор Эзопа – это личностный выбор людей, которые скорее предпочтут избрать ради свободы и достоинства пропасть для свободного человека, чем

жизнь в ментальном и социальном рабстве.

Этими словами притчи я и завершаю предисловие к третьему изданию учебника «Психология личности», предисловие в жанре исповеди.

Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно? Бог с ними.
Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи…

Александр Пушкин

Психология личности есть психология драматическая. Почва и центр этой драмы – борьба личности против своего духовного разрушения. Это борьба никогда не прекращается.

А.Н. Леонтьев

«Психология личности». Десять лет спустя (предисловие ко второму изданию)

Второе издание учебника «Психология личности» выходит немногим более десяти лет после появления первого издания этой книги. Десять лет. Много это или мало? Это десятилетие меньше мгновения, если взять за точку отсчета систему координат физического времени. И это же десятилетие по своей событийной насыщенности, по концентрации социальных перемен имеет шанс быть возведено в ранг великих исторических периодов в судьбе человечества.

Именно поэтому я могу без всякого преувеличения сказать, что *учебник «Психология личности» выходит в другом веке, в другой стране, в другую историческую эпоху* . И все же этот учебник в прямом смысле является переизданием книги, вышедшей в 1990 г.

Моральная решимость автора переиздать учебник «Психология личности» в его первоначальном виде, внеся лишь минимальные редакторские изменения, обусловлена целым рядом обстоятельств.

Главное из этих обстоятельств состоит в том, что учебник «Психология личности» изначально был замышлен как *метапсихология личности*, то есть *учебник, претендую-*

щий на раскрытие глубинных оснований различных культур мышления, стоящих за различными видениями человека в нескончаемо спорящих между собой направлениях человекознания. Жанр метапсихологии, стремление двигаться «поверх барьеров» (Б.Л. Пастернак), решать «метафизические вопросы», искать «точку опоры» прежде всего предполагает необходимую во все эпохи и особо востребованную в эпоху перемен возможность «…выходить за рамки и границы любой культуры, любой идеологии, любого общества и находить основания своего бытия, которые не зависят от того, что случится во времени с обществом, культурой, идеологией или социальным движением. *Это и есть так называемые личностные основания* (выделено мною. – *А.А.*). А если их нет, как это случилось в XX веке? Как вы знаете, одна из драматических историй (в смысле наглядно видимого разрушения нравственности и распада человека, распада человеческой личности) – это ситуация, когда по одну сторону стола сидит коммунист, а по другую – тот, кто его допрашивает, – тоже коммунист. То есть представители одного и того же дела, одной и той же идеологии, одних и тех же ценностей, одной и той же нравственности. И если у того, кого допрашивают, нет независимой позиции – в смысле невыразимой в терминах конкретной морали, то положение ужасно. Можно выдержать физические мучения, а вот человеческий распад неминуем, если ты целиком находишься внутри идеологии и ее представляет твой же палач или следователь.

– Но он может считать, что заблуждается?

– Ну, вот это заблуждение как раз и разрушает личность. Потому что когда ты слышишь свои же собственные слова из других уст, которым не веришь и которые являются причиной совершенно непонятных для тебя фантасмагорических событий, то и стать некуда. Нет точки опоры вне этого. *А метафизика предполагает такую точку* (выделено мною. – *А.А.*). И в этом смысле она – залог и условие не-распада личности. Конкретная история лагерей в разных странах показала, какую духовную стойкость проявляли люди, имеющие точку опоры (те, кто были “ходячие метафизики”, скажем так). Тем самым я хочу сказать, что метафизика всегда имеет будущее» (с. 114).

Я решился привести столь обширный фрагмент из книги Мераба Мамардашвили «Необходимость себя. Введение в философию» (1996) не только потому, что этот фрагмент трагично передает необходимость постановки метафизических вопросов и раскрывает лежащее в основании учебника «Психология личности» понимание метапсихологии. Психологу нечего прятаться от своих личностных смыслов. И поэтому я считаю необходимым сказать, что именно благодаря Мерабу Константиновичу Мамардашвили, которого в самом начале семидесятых годов один из лидеров современной психологии – декан факультета психологии МГУ Алексей Николаевич Леонтьев пригласил читать курс «Методологические проблемы психологии» в МГУ, немало психологов

моего поколения ощутили «необходимость себя». Этот поступок А.Н. Леонтьева, говорю об этом без преувеличения, во многом определил и мою собственную судьбу. Лицом к лицу лица не увидать. И вряд ли в те годы я с достаточной полнотой понимал, что встреча с философом Мерабом Мамардашвили помогла некоторым из нас стать психологами, почувствовать пьянящее, вполне неклассическое и нерациональное чувство свободы мышления. Чувство, дающее точку опоры и побудившее среди многих психологий избрать психологии, принесшие культуру неклассического релятивистского независимого понимания множественности мира.

Явной и жесткой «точкой опоры» в учебнике «Психология личности» выступает особая культура мышления, *культура неклассического историко-эволюционного подхода в психологии.* В связи с этим я считаю целесообразным в предисловии ко второму изданию кратко остановиться на ключевых идеях историко-эволюционного подхода, из которых, как из эмбриона, вырастает раскрываемая в учебнике психология личности.

В историко-эволюционном подходе выделяются три построенные по неклассической логике *дополнительности* (Н. Бор) ипостаси человека, раскрывающие его сущность и существование как личности:

♦ *человек как многомерное существо, проявляющееся одновременно как участник историко-эволюционного процесса; носитель социальных ролей и программ социотипичного*

поведения; субъект выбора индивидуального жизненного пути, в ходе которого осуществляется преобразование природы, общества и самого себя;

♦ *человек как пристрастное диалогичное полидеятельностное существо, сущность которого порождается, преобразуется и отстаивается в существовании – в мире, в других людях, в себе самом*;

♦ *человек как субъект свободного ответственного целенаправленного поведения, выступающий как ценность в восприятии других людей, в том числе и самого себя, и обладающий относительно автономной устойчивой целостной системой многообразных индивидуальных качеств, характеризующих его самобытность и неповторимость в изменяющемся мире.*

При всем разнообразии подходов к пониманию личности в истории познания и обыденной жизни становится все более очевидным, что именно *многомерность выступает как сущностная характеристика личности. Человек, будучи «мерой всех вещей», сам не имеет меры, так как в принципе несводим к какому-либо одному из измерений, проявляющихся в эволюции природы, истории общества и развитии его индивидуальной жизни.*

Выделение многомерности как исходной характеристики понимания личности в неклассическом историкоэволюционном подходе позволяет охарактеризовать историю развития представлений о личности как историю открытий раз-

личных измерений личности в действительности, а не историю заблуждений или ошибок. На разных этапах становления человеческой мысли, к каким бы феноменам действительности ни обращалось познание, оно вынуждено было обращаться к феномену человеческой личности и пытаться найти ответы на вопросы о месте человека в мире, его происхождении, предназначении, достоинстве, смысле существования, роли в истории, его уникальности и типичности, в том числе и на вопросы о том, как прошлое, настоящее и будущее определяют жизнь человека, границы его свободного выбора.

Именно многомерность феноменологии личности нашла свое отражение в различной этимологии и определениях личности, встречающихся в философии, гуманитарных, социальных и естественных науках о человеке, а также выступила как основание для выделения следующих аспектов понимания проблемы личности:

многогранность феноменологии личности, отражающая многообразие проявлений человека в эволюции природы, истории общества и собственной жизни человека;

междисциплинарный статус проблемы личности, находящейся в сфере изучения философии, социальных и естественных наук;

зависимость понимания личности от мировоззрения, стиля мышления и образа человека, явно или скрыто существующих в культуре и науке на определенном этапе их раз-

вития;

несовпадение проявлений индивида, личности и индивидуальности, исследуемых в рамках относительно независимых друг от друга биогенетического, социогенетического и персоногенетического направлений анализа развития человека в эволюции природы, истории общества и индивидуального развития субъекта как неповторимой самости;

разведение исследовательской установки, ориентирующей на понимание закономерностей развития личности в природе и обществе, и практической установки, направленной на помощь и коррекцию личности.

При обращении к истокам этимологии термина «личность» чаще всего ссылаются на греческое или латинское происхождение этого термина, обозначающее «persona» как «маску», «роль актера», исполняющуюся в театре (ср. рус. «личина»). В контексте философских и психологических традиций представляет интерес разграничение в немецком языке терминов «Persönlichkeit» и «Personalität». Немецкий термин «Persönlichkeit» близок по значению к латинскому «persona» и отражает внешнее, публичное проявление человека, производимое им на других людей. Термин «личность» в значении «Personalität» (ср. рус. «*личностность*») характеризует, скорее, самобытный внутренний мир человека, автономность человека, его самосознание, его возможности осуществления свободного выбора и самоопределения.

Многомерность личности обусловила то, что *историей*

развития мышления о человеке стала история драматической борьбы полярных ориентаций (в том числе традиционной оппозиции материалистической и идеалистической ориентаций), в ходе которой разные мыслители, как правило, выделяли какую-либо одну из реальных граней человеческого бытия, а другие стороны жизни личности либо оказывались на периферии познания, либо не замечались или отрицались.

В философии и гуманитарных науках выделяются следующие полярные и вместе с тем взаимодополняющие ориентации, в пространстве которых акцентируются различные проявления личностного бытия человека.

1. *Объектная – субъектная ориентации.* В первом случае человек познается как «вещь среди вещей», которая порождается в природе и/или обществе (например, метафизический материализм, позитивизм, прагматизм); во втором случае личность предстает как активное творческое начало, порождающее мир, проектирующее действительность и свое собственное будущее, выходящее в своих поступках и деяниях за пределы самого себя и т. п. (например, христианство, философия жизни, философская антропология, экзистенциализм, персонализм).

2. *Детерминистическая – индетерминистическая ориентации.* В первом случае познание личности основывается на природной или социальной причинной детерминации, выводится из прошлого или настоящего, внутреннего или

внешнего (наследуемых природных и/или социальных непосредственных воздействий на индивида). В своих крайних формах детерминистическая ориентация выступала в представлениях о предопределенности, предначертанности существования человека, его жесткой зависимости от судьбы в таких различных направлениях мышления, как материализм Античности и философия Нового времени, христианство, картезианство, позитивизм и фатализм.

Во втором случае деятельность человека как автономного существа спонтанна и свободна; воля лежит в основе выбора его деяний и поступков; он сам, а не его среда или наследственность, в ответе за выбор своей собственной судьбы. Такие варианты понимания человека наиболее ярко выступали в философии жизни, экзистенциализме, неопозитивизме. В известном смысле попыткой преодоления оппозиции «детерминизм – индетерминизм» выступает учение Бенедикта Спинозы о человеке как субстанции, являющейся *причиной самой себя*, идея самодетерминации деятельности человека.

3. *Монологическая – диалогическая ориентации.* Монологическая ориентация проявляется в таких установках мышления, как методологический изоляционизм, антропоцентризм, в которых в процессе познания рассматривается «человек вне мира, а мир вне человека» (например, учение о монадах Г. Лейбница, философская антропология, позитивизм).

Диалогическая ориентация изучает личность в простран-

стве коммуникаций, межличностного и внутриличностного общения, диалога, в том числе диалога с самим собой, рассматривает личность как особую форму инобытия субъекта в других людях, которое может иметь «объектные» и «субъектные» формы существования. В контексте диалогической ориентации личность предстает как «полифония голосов», обретающая существование в непрерывном диалоге. Подобные взгляды развивались и продолжают развиваться в столь непохожих течениях мысли, как материализм Л. Фейербаха, экзистенциализм М. Бубера, структуралистская концепция личности Ж. Лакана, диалогическая концепция гуманитарного познания М. Бахтина.

В контексте развития философских направлений, имеющих принципиальное значение для изучения личности, также могут быть выделены такие полярности, как «*структурно-функциональная*» (*функционализм, структурализм*) *ж* «*историко-генетическая*» *ориентации* (см., например, немецкая классическая философия, марксизм); «*номотетическая*» и «*идеографическая*» *ориентации* (неокантианская баденская школа В. Виндельбанда и Г. Риккерта); *сциентистская ориентация* «*объяснения*» (позитивизм) и *герменевтическая ориентация* «*понимания*» (феноменология Э. Гуссерля, понимающая психология и понимающая социология).

Весь спектр этих ориентаций, иллюстрирующий многомерность личности в истории мышления о человеке, про-

явился в различных образах человека в истории конкретных наук, в том числе в биологии, психологии и социологии: «*ощущающий человек*» (человек как сумма ощущений, знаний, умений и навыков; человек как устройство по переработке информации); «*человек-потребитель*» (нуждающийся человек; человек как система инстинктов и потребностей); «*запрограммированный человек*» (в поведенческих науках – человек как система реакций; в социальных науках – человек как репертуар социальных ролей и сценариев); «*полидеятельностный человек*» – человек, осуществляющий выбор; человек как выразитель мотивов, смыслов и ценностей (*деятельностно-смысловой подход к пониманию человека*).

Приведенные выше описания различных ипостасей человека как личности, а также стоящие за различными пониманиями личности философские традиции наглядно иллюстрируют *междисциплинарный статус* проблемы личности, находящейся в поле внимания социальных и естественных наук, духовной культуры и практики. Психология и социология, антропология и этнография, культурология и семиотика, археология и филология, политология и генетика, биология и история ищут пути преодоления межведомственных границ при анализе развития человека в эволюции природы, истории общества и становлении индивидуальной жизни личности. При этих поисках возникает соблазн выделить одну-единственную науку, владеющую всей правдой о личности. Вот тогда-то и возникает ситуация, когда психология

для решения своих проблем приглашает варягов и взывает к ним: «Придите и княжите нами». И по зову, а еще чаще без зова отправляются в психологию представители кибернетики, биологии, социологии, этики и антропологии, чтобы поведать свое понимание личности.

Действительно, и антропология, и этика владеют куда более целостным образом человека, чем обладающие «частичным» изображением человека некоторые направления традиционной психологии.

В результате в поисках выхода из кризиса в области психологии личности возникают волны ее модернизации, представители которых связывают избавление психологии от ее собственных противоречий либо с успехами других смежных наук, либо с получившими широкое распространение направлениями холистической психологии или более вплетенной в сферу этики гуманистической психологии.

Одна из этих волн может быть названа волной *антропологизации.* Продуктивный момент «антропологизации» в психологии личности, касается ли он обращения к антропогенезу при анализе индивидных свойств личности, особой психологической антропологии как основы психологии субъективности (В.И. Слободчиков) или же одухотворения человека в романтической поэтической антропологии (В.П. Зинченко), весьма перспективен как источник ценностной установки на поиск целостности реального человека и одновременно протест против «частичных» образов человека. Вме-

сте с тем «антропологизация» психологии личности несет серьезный риск растворения собственных вопросов психологии личности в лоне философской методологии и безграничного парения над океаном эмпирических фактов, с таким трудом добытых в конкретных областях психологии.

Другая волна связана с «*гуманизацией*» и «*этизацией*» в психологии личности (Б.С. Братусь, А.Б. Орлов). По выражению Б.С. Братуся, *академическая психология была психологией, в которой победителей не судят.* Она утратила духовное человечное в человеке. В отличие от академической психологии, «гуманитарная» психология обладает еще нереализованным потенциалом «ценностнополагания» (не путать с «целеобразованием»), который столь желанен для растерявшей жизненные идеалы личности. Но и «гуманитарную психологию», черпающую свои силы в истории культуры, религии, филологии и этике, подстерегает опасность, пользуясь излюбленным выражением Л.С. Выготского, отдать «Богу богово», а «кесарю кесарево», то есть отдать человечное в человеке этике и религии, а тело и познавательные процессы – биологии и академической, например когнитивной, психологии.

И наконец, *еще одна из волн модернизации*, касающаяся междисциплинарного статуса личности, могла бы быть охарактеризована как *прагматическая философская* «*вестернизация*» психологии личности. Старая формула «там хорошо, где нас нет», стимулируемая раскрепощением сознания

от так называемого «советского империализма» в психологии (В. Колга), приводит к ситуации, которая напоминает «плюрализм у разбитого корыта» (В.П. Зинченко).

Над всем, что было создано в отечественной психологии, ставится «нигель», и «вместо нее», а не «вместе с ней» новое измерение наполняется такими направлениями, как психосинтез (Р. Ассаджиоли), онтопсихология (А. Менегетти), нейролингвистическое программирование (Дж. Гриндер). Бесспорно, опыт этих направлений интересен для синтеза в психологии личности, а также для обозначения точек пересечения гуманистической психологии и историкоэволюционного подхода в психологии. Грустно другое: увлечение этими направлениями приводит к тому, что в отечественной психологии личности вместе с водой выплескивается и ребенок. В результате в общей картине поиска междисциплинарного синтеза представлений о личности возникает парадоксальная ситуация: психологи на Западе, разрабатывающие методологию гуманитарного знания о человеке, открывают для себя Л.С. Выготского, М.М. Бахтина, Н.А. Бернштейна, Ю.М. Лотмана и С.Л. Рубинштейна (см. работы Дж. Гибсона, Дж. Верча, Л. Смолки, В. Маттеуса, Л. Молла, Р. Харре и др.), а отечественные психологи начинают напоминать «Иванов, не помнящих родства». Иными словами, с тем же рвением, с которым раньше через железный занавес критиковали западные направления психологии, сегодня со скепсисом поглядывают на методологию гуманитарных наук

в своей стране.

Все сказанное лишний раз подтверждает, что *междисциплинарный статус проблемы личности выступает как необходимое условие поиска системных закономерностей развития человека в биогенезе, социогенезе и онтогенезе, а не повод к растворению психологии личности в других естественных или социальных науках.* Отсюда также следует, что для разрешения противоречий в психологии личности *историко-эволюционный подход* выделяет сквозные закономерности развития человека, надстраивает благодаря этим закономерностям мост между различными сферами исторического и естественно-природного изучения человека, а затем с опорой на конкретную методологию психологии «работает» с фактами уже в сфере собственно психологии личности.

Еще одно обстоятельство, свидетельствующее о необходимости разработки историко-эволюционного подхода в психологии личности, непосредственно связано со спецификой переживаемого Россией исторического периода. Этот период может быть охарактеризован как период перехода от стабильной фазы к динамической фазе российской истории. В подобного рода период личность оказывается как бы заброшенной *в историческую ситуацию развития* (по аналогии с «социальной ситуацией развития» в смысле Л.С. Выготского), в которой происходит ломка традиционной системы ценностных ориентаций, обостряется поиск личностной и групповой идентичности, возрастает влияние инди-

видуальных действий личности на траекторию развития исторического процесса. В результате психолог для выработки логики действий, помогающих личности пережить драмы смутного времени, вынужден работать как психоисторик, проектировать разные варианты ситуации исторического развития, не ограничиваясь известной формулой «здесь и теперь».

Тем самым нынешнее время перемен подталкивает психолога к двойному испытанию историей. Ему предстоит выдержать проверку на чувствительность психологии личности к истории, а также на причастность психологии личности к происходящим в стране переменам. *Ареной для проверки чувствительности психологии по отношению к истории являются многолетние «бои за психологию в истории»* (*М. Блок, Л. Февр*) *и «бои за историю в психологии»* (*Л.С. Выготский*). Одним из следствий этих многолетних дискуссий о взаимоотношениях между психологией и историей стало возникновение различных гибридных дисциплин – «палеопсихологии» (Б.Ф. Поршнев), «исторической психологии» (И. Мейерсон, Ж.-П. Вернан и др.) и «психоистории» (Э. Эриксон, Л. де Моз).

Другим следствием выяснения взаимоотношений между историей и психологией является пересмотр самих исходных парадигм в разных областях психологии. Впечатляющим примером претензий психологов на причастность к происходящим в истории событиям может служить статья

с нарочито эпатирующим названием «Социальная психология как история», принадлежащая известному социальному психологу К. Джерджену. Интенция такого рода пересмотра парадигм в социальных и поведенческих науках во многом обусловлена *установкой на превращение своей науки в науку, делающую историю, а не только изучающую ее.* Именно такой попыткой откликнуться на вызов нашего тревожного времени и является историко-эволюционный подход в психологии личности как конструктивной действенной психологии, а также организация опирающихся на этот подход служб практической психологии.

Перечень оснований, высвечивающих смысл постановки проблемы историко-эволюционного подхода в психологии личности, был бы бледным и неполным без упоминания еще одного завершающего обстоятельства: альфой и омегой историко-эволюционного подхода является *выделение созидающего методологического потенциала практической психологии личности*, призванной в перспективе вывести уставшую от разных академических болезней психологию личности из кризиса. При всей своей «дикости» и эклектичности *практическая психология личности уже на ранних этапах своего рождения выполняет конструктивную функцию преодоления психологии «частичного» человека.* Она также изначально сопротивляется различным внутридисциплинарным и междисциплинарным дроблениям знаний о развитии человека в истории природы и общества.

Практической психологии личности тесно только лишь в рамках возрастной, педагогической, клинической или какой-нибудь другой отдельной отрасли психологической науки. В известном смысле практическая психология обречена на то «верхоглядство», без которого не существует никакого междисциплинарного синтеза. Поэтому, пока представители академической психологии спорят, относить ли М.М. Бахтина или Ю.М. Лотмана к обитателям пространства «истинной» психологии или оставить их за его границей, назвав «филологом» первого и «семиотиком» второго, практические психологи, например, уже строят процесс общения с учетом диалогической теории сознания и семиотической теории культуры (см., например, сборники: Charting the Agenda. Educational Activity after Vygotsky. Ed. by H. Daniels, 1994; Vygotsky and Education. Instructional Implications and Applications of Sociohistorical Psychology. Ed. by L. Moll, 1994).

Тем самым в практической психологии личности могут быть преодолены внутридисциплинарные и междисциплинарные барьеры, затрудняющие построение психологии развития личности.

Источник методологического потенциала практической психологии, на оселке которой осуществляется проверка сильных и слабых сторон историко-эволюционного подхода, заключается в том, что объектом приложения ее усилий изначально оказывается конкретный человек в конкретной

социоисторической ситуации развития. Поэтому *в поисках выхода из кризиса психологии личности остается вслед за Л.С. Выготским повторить, что практическая психология – тот камень, который презрели строители*, *– стала во главу угла историко-эволюционного подхода, разработка которого может повлечь за собой изменение общественного статуса психологии в России, превращение ее в науку, делающую историю.*

При разработке историко-эволюционного подхода в психологии личности необходимо учитывать возможности разных уровней методологии: философского, общенаучного, конкретно-научного уровней, а также уровня методики и техники исследования (*Э.Г. Юдин*), позволяющих увидеть картину развития человека в самых разных временных масштабах – от макроэволюции природы до динамики принятия решения в той или иной конкретной жизненной ситуации. В связи с этим среди широкого спектра концепций развития человека далее будут названы, прежде всего, те, которые определили общий методологический каркас и смысл историко-эволюционного подхода в психологии личности:

♦ концепция понимания человека как «мира человека», порождаемого в ходе естественно-исторического процесса становления человечества (*К. Маркс*);

♦ критика идеала рациональности в различных теориях познания (*М.К. Мамардашвили*);

♦ теория перехода биосферы в ноосферу (*В.И. Вернад-*

ский:);

♦ концепция поведения неравновесных систем в неживой и живой природе (*И. Пригожин*);

♦ синтетическая теория эволюции (*И.И. Шмальгаузен*);

♦ концепция эволюционного прогресса (*А.Н. Сееерцое, К.М. Завадский*);

♦ представление о преадаптации в эволюционном процессе (*Н.И. Вавилов*);

♦ гипотеза о роли вариативного рассеивающего отбора в антропосоциогенезе (*В.П. Алексеев*);

♦ концепция эволюции целенаправленной активности в контексте «физиологии активности» (*П.А. Бернштейн*);

♦ семиотическая концепция культуры (*Ю.М. Лотман*);

♦ диалогическая концепция гуманитарного познания (*М.М. Бахтин*);

♦ культурно-историческая концепция развития высших психических функций (*Л.С. Выготский*);

♦ деятельностный подход в психологии (*А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн*).

Наряду с указанными выше методологическими установками существенную роль в разработке историко-эволюционного подхода в психологии личности также сыграли общепсихологическая теория установки (*Д.Н. Узнадзе*), концепция человекознания (*Б.Г. Ананьев*) и этогенический подход к социальному поведению (*Р. Харре*).

Все эти подходы и концепции оказались востребованы

временем. Именно на их фундаменте надстраиваются *основные положения историко-эволюционного подхода в психологии.*

1. Историко-эволюционный подход в психологии личности позволяет выделить универсальные закономерности развития человека в *биогенезе, социогенезе и персоногенезе* и тем самым открывает возможность междисциплинарного и внутридисциплинарного синтеза представлений о психологии личности.

2. В историко-эволюционном подходе универсальные закономерности развития человека в биогенезе, социогенезе и персоногенезе находят свое выражение в общесистемных принципах, характеризующих динамику развития различных эволюционирующих систем, в понимании специфики механизмов эволюции, места индивидуальных элементов в генезисе систем, соотношения стабильности и изменчивости эволюционирующих систем, а также позволяют определить перспективы развития психологии личности.

♦ В качестве общесистемных принципов анализа в историко-эволюционном подходе выделяются следующие: *принцип роста вариативности элементов системы как критерий прогрессивной эволюции; принцип взаимодействия тенденций к сохранению и изменению как условие развития эволюционирующих систем, обеспечивающее их адаптацию и изменчивость; принцип возникновения избыточных преадаптивных элементов эволюционирующих систем, способных*

обеспечить резерв вариативности этих систем в неопределенных критических ситуациях их существования; принцип возможности превращения преадаптивной активности избыточных элементов эволюционирующей системы в адаптивную активность данной системы; принцип возрастания влияния преадаптивных избыточных элементов эволюционирующей системы на выбор дальнейшей траектории ее развития в неопределенных критических ситуациях.

♦ Данные общие принципы развития эволюционирующих систем являются основой для пересмотра бытующих в разных науках о человеке и обществе полярных представлений о роли биологической эволюции в истории становления человечества: представлений о полной «остановке» биологической эволюции в социальной истории человечества и представлений о прямом продолжении биологической эволюции в социальной истории человечества.

На смену этим представлениям приходит гипотеза, согласно которой *продолжающаяся в истории человечества эволюция образа жизни приводит к преобразованию закономерностей эволюции в антропосоциогенезе: переходу от отбора, стабилизирующего изменчивость вида, к «рассеивающему отбору», обеспечивающему рост проявлений вариативности человеческого вида в динамично меняющейся природной и общественной среде.* В контексте историко-эволюционного подхода обосновывается эвристичность гипотезы «рассеивающего отбора» в качестве ключа к пониманию эво-

люционного смысла возникновения различных индивидных свойств человека и проявлений индивидуальности личности в естественно-историческом процессе.

♦ *Индивидуальные особенности элементов эволюционирующей системы именно в системе приобретают свои новые самобытные специфичные качества и снабжают систему запасом адаптивной изменчивости, который может быть задействован в неопределенных критических ситуациях.* В свете описанного положения представляются необоснованными противопоставления вариативности индивида – виду, индивидуальности личности – обществу, психологии индивидуальных различий – общей психологии личности.

♦ В процессе эволюции социальных систем социотипические качества личности выражают тенденцию данных систем к сохранению и могут в широком смысле быть охарактеризованы как адаптивные, а проявления индивидуальности личности преимущественно отражают тенденцию системы к изменению и, будучи преадаптивными по своему эволюционному смыслу, обеспечивают потенциальные возможности иных вариантов дальнейшей эволюции данной социальной системы.

♦ Историко-эволюционный подход позволяет прогнозировать и структурировать поле проблем и направлений, с которыми связано будущее развитие психологии личности: рост междисциплинарных исследований, опирающихся на универсальные закономерности развития систем; переход

при постановке проблем анализа развития личности от антропоцентрической феноменографической ориентации к историко-эволюционной ориентации; появление дисциплин, рассматривающих психологию как конструктивную проектировочную науку, выступающую фактором эволюции общества.

3. В русле деятельностного подхода в настоящем учебнике «Психология личности» систематизированы принципы, на основе которых намечен путь к пониманию конкретных механизмов преобразования индивидных свойств человека и социально-исторического образа жизни человека в персоногенезе человека: принцип предметности; принцип активности; принцип неадаптивности; принцип опосредствования и сигнификации; принцип интериоризации – экстериоризации; принцип психологического анализа «по единицам»; принцип зависимости психического отражения от места отражаемого объекта в структуре целенаправленной деятельности человека.

♦ В деятельностном подходе к развитию личности для анализа взаимопереходов биогенеза, социогенеза и онтогенеза в процессе построения жизненного пути личности может быть использована *схема системной детерминации развития личности.* В этой схеме *индивидные свойства человека выступают как антропогенетические безличные предпосылки развития личности; социальная среда как источник развития личности; целенаправленная деятельность*

как основание и движущая сила развития личности, посредством которой осуществляется преобразование природы, культуры и человека.

♦ Данная схема системной детерминации развития личности снимает традиционную схему двойной детерминации, сводящую развитие личности к разным вариантам взаимодействия среды и наследственности и основывающуюся на таких сковывающих мышление установках, как антропоцентрическая парадигма мышления о человеке; абсолютизация филогенетических, социогенетических или онтогенетических закономерностей развития человека применительно к персоногенезу; гомеостатическая модель развития человека.

♦ Схема системной детерминации развития личности позволяет провести систематизацию фактов, проблем и отраслей изучения личности в контексте историко-эволюционного подхода в психологии личности.

4. Историко-эволюционный подход в психологии личности позволяет выявить в качестве единиц динамической организации личности смысловые установки, определяющие поступки человека и обеспечивающие устойчивость поведения человека в изменяющемся мире.

5. Практическая психология личности, опирающаяся на историко-эволюционный подход, продемонстрировала свои возможности в социальном конструировании реальности и тем самым способствует изменению общественного статуса

психологии в социальной практике.

Методологический смысл историко-эволюционного подхода в психологии личности состоит также в том, что этот подход помогает увидеть перспективу перехода *от изучения проблем развития психики в эволюции*, столь характерного для деятельностного подхода в психологии, *к изучению психики как конструктивного фактора самой эволюции* и тем самым навести мост между психологией и другими науками о развитии человека в природе и обществе. На этом пути и открывается в новом свете широко обсуждаемое *предназначение психологии как ведущей науки о человеке*, способной конструировать «поле предметных значений» (*А.Н. Леонтьев*) как особое интерсубъективное измерение действительности.

Общая характеристика развиваемого в учебнике историко-эволюционного подхода, внесшего, льщу себя надеждой, свою лепту в превращение психологии личности в самостоятельную отрасль науки и дисциплину в нашей стране, была бы неполной без упоминания автором тех учителей, коллег и учеников, в процессе общения с которыми только и стала возможной разработка неклассического историко-эволюционного подхода в психологии.

Этот подход никогда бы не родился, если бы мне в студенческом возрасте не выпало счастье встретиться с Алексеем Николаевичем Леонтьевым и Александром Романовичем Лурия, влюбленность в которых полностью определила

мой путь и в психологии, и в жизни. Первые уроки преданности психологии автор получил от Марты Борисовны Михалевской. Доброжелательность и оптимизм Александра Владимировича Запорожца, мягкая критическая ирония Петра Яковлевича Гальперина, редкое чувство достоинства по отношению и к людям, и к научным фактам Блюмы Вульфовны Зейгарник помогли автору понять, к чему должен стремиться профессиональный психолог. Мечта о поиске образа человека, не скованного узкими границами рациональности, появилась в дискуссиях с Филиппом Вениаминовичем Бассиным, Александром Северьяновичем Прангишвили и Аполлоном Епифановичем Шерозия, а также при завороженном впитывании лекций Мераба Константиновича Мамардашвили.

На протяжении всего периода разработки неклассического историко-эволюционного подхода в психологии автор проходил школу методологии психологии у Г.М. Андреевой, Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, М. Коула, И.С. Кона, А.А. Леонтьева, А.В. Петровского, О.В. Овчинниковой, О.К. Тихомирова, Н.Ф. Талызиной, Д.И. Фельдштейна и Л.С. Цветковой. Этика научной дискуссии с представителями других школ, которые, несмотря на полную противоположность исходных методологических установок, признавали правомочность иных научных позиций, складывалась в диалогах с блистательным исследователем и полемистом, создателем информационной теории еди-

ных психических процессов Л.М. Беккером; строгим рыцарем истории науки М.Г. Ярошевским; талантливыми продолжателями идей психологии установки Ш.А. Надирашвили, И.В. Имедадзе, Р.Т. Сакварелидзе; автором теории вероятностного прогнозирования, известным психофизиологом И.М. Фейгенбергом.

Какие бы страсти ни кипели среди собственного поколения автора, многие представители этого поколения стали носителями «духа времени», порожденного культурно-исторической психологией и деятельностным подходом к анализу психических явлений. К их числу в первую очередь относятся Б.С. Братусь, И.А. Васильев, Б.М. Величковский, Дж. Верч, В.К. Вилюнас, Ж.М. Глозман, А.И. Донцов, А. Н. Ждан, В.А. Иванников, И.И. Ильясов, В.Е. Клочко, В. В. Николаева, В.В. Петухов, В.Ф. Петренко, Л.А. Петровская, А.И. Подольский, А.А. Пузырей, В.Я. Романов, В.В. Рубцов, В.И. Слободчиков, С.Д. Смирнов, В.С. Собкин, Е.Т. Соколова, А.С. Спиваковская, В.В. Столин, Е.В. Субботский, П. Тульвисте, А.У. Хараш, А.Г. Шмелев, А.А. Цыганок и Б.Д. Эльконин. Весь этот вполне зримый колледж никогда не давал автору почувствовать себя одиноким в психологии, даже когда он ради организации службы практической психологии образования и создания либеральной доктрины вариативного образования оказался в мирах, весьма далеких от психологического сообщества. Особо хочется подчеркнуть, что проходящая красной нитью через весь учебник «Пси-

хология личности» идея о роли неадаптивной активности в историко-эволюционном процессе появилась в мысленном и реальном соавторстве с В.А. Петровским, который и ввел представление о неадаптивной активности личности в психологическую науку.

Только благодаря совместным исследованиям с А.М. Айламазьян, Ф.Е. Василюком, А.Н. Гусевым, С.Н. Ениколоповым, М.А. Ковальчук, С.В. Кривцовой, Д.А. Леонтьевым, Т.Ю. Мариловой, Е.Е. Насиновской, М.С. Гусельцевой, Л.А. Радзиховским, В.В. Семеновым, Г.У. Солдатовой, М.В. Тендряковой и Е.И. Шлягиной автор решился обратиться к столь разным аспектам психологии личности, как: психология смысла, психология переживаний, психология деловых игр, психология агрессии, изменение социальных установок, самоактуализация и самореализация личности, социально-психологическая реабилитация личности, диагностика альтруистического поведения, психология творчества в истории культуры, история культурно-исторической психологии, дифференциальная субъектная психофизика, психогенетика, палеопсихология и историческая этнопсихология, психотехника воспитания, психология и педагогика толерантности.

Данная книга никогда не состоялась бы без Евгении Фейгенберг, которая поддерживала меня как индивида, воспитывала как личность и отстаивала как индивидуальность, несмотря на драмы и перепады, выпавшие на нашу судьбу.

И конечно, нельзя не сказать слов благодарности разным поколениям студентов факультета психологии МГУ, которые были и по сей день являются самыми требовательными критиками любых подходов в психологии, которые никогда не дают спокойно жить своим преподавателям.

В целом же за тридцать лет преподавания психологии на факультете психологии МГУ и почти десять лет вращивания психологической культуры в миры политиков, управленцев и учителей автор убедился в правоте тех философов и психологов (Б.М. Кедров, А.Н. Леонтьев, Ж. Пиаже), которые присвоили *психологии титул ведущей науки о человеке.* И она станет такой наукой, но лишь при одном условии: если будет любимой, любимой наукой для тех, кто понимает, что, выбирая психологию, они избирают не только науку, профессию, но и судьбу.

Предисловие

Задача любого учебника заключается в том, чтобы «остановить мгновение» и отразить современное состояние той или иной области научного знания, то есть обобщить основные факты, закономерности, категории и методы, раскрывающие предмет научной дисциплины. Так обстоит дело в науках, которые уже миновали период своего становления и достигли эпохи научной зрелости. В психологии, возраст жизни которой как самостоятельной науки исчисляется не веками, а десятилетиями, положение дел складывается по-иному. «Исторически состояние нашей науки таково, – писал в свое время Л.С. Выготский, – что существует много психологий, но не существует единой психологии. Мы могли бы сказать, что потому и возникает много психологий, что нет общей, единой психологии. Это значит, что отсутствие единой научной системы, которая охватывала бы и объединяла все современное психологическое знание, приводит к тому, что каждое новое фактическое открытие в любой области психологии, выходящее за пределы простого накопления фактов, вынуждено создавать свою собственную теорию, свою систему для объяснения и понимания вновь найденных фактов и зависимостей, вынуждено создавать свою

психологию – одну из многих психологий»[4].

В подобной ситуации автор учебника или учебного пособия по психологии не может занять позицию беспристрастного наблюдателя и, уделяя внимание преимущественно искусству дидактики, запечатлеть современное состояние психологии. Последнее замечание особенно относится к психологии личности, которую наряду с богатством фундаментальных исследований и оригинальных экспериментальных фактов характеризует множество нерешенных проблем, разрозненных эмпирических данных и не пересекающихся друг с другом исследований. Столкновение мнений между представителями различных направлений начинается уже в самом исходном пункте психологического анализа личности и проявляется в постановке вопроса: *что же представляет собой феноменология в этой области психологии* ?

Все это свидетельствует о том, что в стремительно развивающейся психологии личности отсутствует логический стержень, который бы позволил рассматривать психологию личности как целостную систему знаний. В связи с этим специфика работы по созданию данного учебника по психологии личности состоит в том, что *его написание является одновременно построением психологии личности как самостоятельной дисциплины и особого направления психологии.*

Изложение представлений о психологии личности как целостной системе знаний – центральная задача настоящего

---

[4] *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1982. С. 25.

учебника. При решении этой задачи не следует смешивать целостность представлений о направлениях науки с беспроблемностью, а получение знаний о психологии личности – с вручением набора рецептов для ответа на самые разнообразные и неожиданные вопросы, которые может поставить перед будущим профессиональным психологом жизнь. Изложить представления о психологии личности, обойдя все острые углы, – это значит исказить существующее в психологии личности положение вещей и невольно заложить основы для формирования у будущего психолога чувства беспомощности, когда за стенами университетов неумолимая практика внесет свои коррективы в его образ психологической науки. Именно поэтому освещение любого вопроса в учебнике начинается с выделения тех проблем, которые часто еще только ждут своего решения, а обсуждение этих проблем строится как диалог, который будущий специалист может продолжить в своей профессиональной работе. При этом само знание о психологии личности выступает как необходимое условие формирования у психолога умения формулировать выдвигаемые практикой задачи в такой форме, чтобы в самом вопросе уже содержался верный путь к его решению, к поиску методов, дающих возможность достичь поставленной цели.

По массиву эмпирических фактов, каскаду разнообразных экспериментов, очереди спешащих сменить друг друга теорий психология личности в конце XX в. потеснила дру-

гие отрасли психологической науки. Темп развития психологии личности станет более ощутимым, если привести следующие факты, затрагивающие только одну из проблем психологии личности – проблему «Я». Если в 1969 г. этой проблеме было посвящено около четырехсот публикаций, то в 1980 г. их количество перешло за тысячу. Одно за другим за рубежом выходят многотомные издания по психологии личности, особенно учебники, посвященные изложению многочисленных теорий личности. Однако попытка изложить набор фактов, методов и теорий бессмысленна вовсе не только потому, что их объем непомерно велик. Дело заключается в другом. Логика преподавания любой науки, в том числе и психологии, во времена информационного перенасыщения не должна основываться на бесконечном расширении объема изучаемого материала.

Учебник не информирует о многочисленных явлениях, методах и концепциях психологии личности, а знакомит студентов с основными принципами, исходными пунктами изучения психологии личности, то есть *учит студентов учиться*, – так сегодня ставится вопрос о логике преподавания психологии. Вместе с тем опасно впасть и в другую крайность – крайность скольжения по верхам, незнания истории своей науки, отсутствия бережного и уважительного отношения к добытым в науке фактам. В курсе «Психология личности» надежной гарантией против незнания истории науки служит сочетание издания учебников с изданием хрестоматий, в ко-

торых представлены оригинальные концепции и теории, изложенные самими создателями.

В качестве основания для интеграции разрозненных эмпирических фактов и течений в учебнике выступает *историко-эволюционный подход к изучению личности*, который задает общую стратегию для освещения вопросов о соотношении биологического и социального в личности, мотивации развития личности, механизмов регуляции социального поведения личности, творчества индивидуальности, характера и способностей.

Этот подход помогает будущим специалистам увидеть ограниченность распространенных в психологии мифов, в соответствии с которыми развитие личности выводится из механического взаимодействия двух факторов – наследственности и социальной среды; целями жизни личности считаются стремление к равновесию и выживанию, а структура личности мыслится как коллекция индивидуальных черт.

Историко-эволюционный подход ставит во главу угла новую *схему детерминации развития личности, раскрывающую взаимоотношения между природой, обществом и личностью.* В этой схеме биологические свойства человека (например, темперамент, задатки) выступают как «безличные» предпосылки развития личности, которые в процессе жизненного пути становятся результатом этого развития, а общество – как условие осуществления деятельностей, комму-

никаций, в ходе которых человек приобщается к миру культуры. Подлинным основанием и движущей силой развития личности является совместная деятельность, в которой осуществляется социализация личности, в том числе – усвоение заданных социальных ролей, культурных норм восприятия, мышления и поведения. Однако ролевое поведение – это только начальная точка отсчета в развитии личности. Преобразуя нормативно-ролевую деятельность в ситуациях выбора, личность заявляет о себе как об индивидуальности, жизненный путь которой часто становится историей отклоненных и изобретенных альтернатив. Связь между *индивидом*, несущим видовой опыт человечества (опыт биогенеза, антропогенеза и индивидуального онтогенетического развития человека), *личностью*, приобщающейся к различным картинам мира и типовым формам поведения в социогенезе как истории человечества, и *индивидуальностью*, строящей себя и мир в персоногенезе как жизненном пути человека, передается формулой:

«*Индивидом рождаются.*
Личностью становятся.
Индивидуальность отстаивают».

Раздел I
УРОВНИ МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ И ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ

Как зритель, не видевший первого акта,
В догадках теряются дети,
И все же они ухитряются как-то
Понять, что творится на свете.

С. Маршак

Глава 1
От феноменологии личности – к уровням методологии науки

Особенности познавательной ситуации изучения личности

Первое отличие познавательной ситуации исследования психологических закономерностей становления и развития личности состоит в том, что в психологии до сих пор возникают серьезные затруднения при попытках очертить сферу эмпирических фактов, относящихся к психологии личности. *Многогранность феноменологии личности,* отражающая объективно существующее многообразие проявлений человека в истории развития общества и его собственной жизни, превращает исходный вопрос любого познания – вопрос об эмпирической сфере изучения личности – в камень преткновения и арену самых оживленных дискуссий. С подобной остротой вопрос об исходном пункте исследования не стоит ни в психологии познавательных процессов (восприятия, памяти, мышления), ни в других отраслях психологической науки – социальной психологии, возрастной и педагогической, клинической психологии, инженерной психологии

и психологии труда, психофизиологии, зоопсихологии и т. д.

Второе отличие познавательной ситуации психологического изучения личности – насущная необходимость учета *междисциплинарного статуса проблемы личности* , находящейся в поле внимания социальных и естественных наук, практики и духовной культуры. Любая область психологического исследования так или иначе соприкасается со смежными течениями науки. Например, психология мышления граничит с логикой, лингвистикой, семиотикой и кибернетикой, занимающейся моделированием искусственного интеллекта. Социальную психологию нельзя представить вне теснейших контактов с социологией, историей и этнографией. Любой клинический психолог должен быть вооружен знаниями по психиатрии, нейрофизиологии, анатомии и морфологии нервной системы. Но вряд ли можно сегодня назвать такую область науки или практики, которая бы хоть в какой-то степени не отнесла такой объект исследования, как личность, к своей «территории», оказалась бы равнодушной к проблеме личности. Даже в такой зрелой, являющейся образцом объективности и идеалом точности науке, как неклассическая физика, положение о неразрывности наблюдателя и наблюдаемых явлений становится основой методологии. Человек как субъект познания входит тем самым в физике в сам процесс анализа объективной реальности. Что же касается традиционных конкретных областей человекознания и обществоведения – истории, филологии, социо-

логии, этнографии, антропологии, демографии и т. д., то в каждой из них волна интереса к разным аспектам проблемы личности неуклонно нарастает.

Легче всего для объяснения растущего интереса к проблеме личности в разных науках было бы сослаться на дань моде или даже дух времени. И то и другое действительно имеет место. Но главная причина перемещения проблемы личности в фокус самых разных дисциплин заключается в объективно *возросшем влиянии личности на судьбы исторического процесса*, а вместе с тем и той колоссальной ответственности за эти судьбы перед прошлым, настоящим и последующими поколениями человечества.

В своем развитии человеческий род достиг уникального положения в мире. Человечество по праву гордится своим могуществом. Вместе с тем *уникальное положение человечества в мире природы определяется не только могуществом в сфере созидания, но и возможностью одного человека решить вопрос «быть или не быть» человечеству в целом. Ни у одного другого биологического вида судьба вида не зависит от действий того или иного его отдельного представителя.* Поступки же отдельного человека могут как помочь сделать новые шаги к вершинам цивилизаций, так и привести к полному исчезновению человечества с лица земли. В двадцатом веке человечество пришло к трагичному открытию: *человечество смертно.* Оно смертно, как смертен и отдельный человек. И с этим возросшим влиянием поступков и деяний

личности на судьбы человечества связана *третья черта* познавательной ситуации изучения личности как в психологии, так и в других областях науки.

Многомерность феноменологии личности, междисциплинарный статус проблемы личности в человекознании и обществознании, рост зависимости судеб исторического процесса от решений отдельной личности приводят к мысли о необходимости ее изучения в системе координат, задаваемых различными уровнями методологии науки.

В современной методологии и логике науки выделяется следующая *общая схема уровней методологии: уровень философской методологии, уровень методологии общенаучных принципов исследования, уровень конкретно-научной методологии и уровень методики и техники исследования.*

Обращение к уровням методологии науки, прежде всего к уровню философской методологии познания, продиктовано тем, что без понимания функций каждого из этих уровней психология окажется беспомощной при выделении эмпирической сферы фактов, относящихся к компетенции психологического изучения личности, решении задач междисциплинарного синтеза, мировоззренческой оценке представлений о природе личности. При изучении личности вне контекста уровней методологии науки психология личности рискует превратиться в бесперспективную погоню за точными ответами на неверно поставленные вопросы и заболеть болезнью коллекционирования фактов-«фантомов», рождающихся и

умирающих в стенах лабораторий. Факты, безусловно, являются воздухом ученого. С них начинают движение классические физика, химия, биология.

В психологии личности те или иные факты не могут быть сами по себе оценены как проявление личности до тех пор, пока не выделена система координат, в которых ведется их изучение. Для того чтобы убедиться в этом, следует поставить вопрос о том, *какие проявления относятся к сфере психологии личности, а затем описать различные феномены личности в повседневной жизни.*

Многомерность феноменологии личности

В исследованиях по психологии личности причудливо переплетаются между собой столь различные проявления человека, как мотивы его деятельности, индивидуальные биохимические свойства, социальные роли, типы высшей нервной деятельности, физическая внешность, идеалы, способности, аффекты, вкусы, особенности национального характера, мировоззрение, нравственный облик, самосознание, самооценка, потребности, влечения, продукты творчества, воображение, одаренность, интеллект, социальное положение, скорость реагирования, черты индивидуального характера, настроение, чувства антипатии и симпатии, переживания, навыки и умения, эмоции, установки, манера общения

и поведения, ценностные ориентации, поступки, деяния, образ «Я» и т. д.

Такое многообразие проявлений человеческой природы уживается с неявно задаваемым логикой частных эмпирических исследований допущением о существовании некоей одномерной феноменологии в области изучения психологии личности. Указанное допущение, за которым стоит тот или иной образ человека в данной культуре, нередко толкает исследователей на путь отстаивания своей сферы фактов как центральной характеристики личности, а дискуссии о примате данного феномена личности начинают напоминать спор слепых, ощупывающих слона с разных сторон и высказывающих различные версии о том, с кем же им довелось повстречаться. На смену неявному допущению о существовании какого-либо одного-единственного «измерения» феноменов личности приходят порой попытки построения предмета психологии личности с помощью коллекционирования различных проявлений «по аспектам», что приводит к возникновению иллюзии целостности картины там, где на деле существует механический конгломерат скрепленных статистическими корреляциями различных сторон человеческой жизни.

Попытки собрать личность человека из осколков ее проявлений или построить общую теорию личности из суммы частных теорий не отличаются новизной. Еще в XVIII в. французский философ Этьен де Кондильяк в «Трактате об

ощущениях» не спеша собирал «статую» человека, последовательно наделяя ее обонянием, вкусом, осязанием, потребностями, ловкостью, желаниями, воспоминаниями, идеями, самосознанием. У статуи пробудились страсти, а удовольствие и страдание стали единственным двигателем развития ее способностей. И статуя Кондильяка жила жизнью *изолированного* человека, пользующегося всеми своими чувствами.

Окажись исследователь психологии личности на месте Э. Кондильяка, он с самого начала испытал бы большие трудности в отборе строительного материала, из которого предстояло бы воссоздать статую личности. *Любой ли человек представляет собой личность? Можно ли назвать личностью появившегося на свет ребенка? В любую ли историческую эпоху существовала личность? Исчезает ли личность со смертью человека? С чего начинается личность? С помощью какого материала при строительстве статуи личности удается провести границу между человеком и животным? И главное, какими фактами воспользоваться для построения статуи личности*?

Личность и внешние характеристики человека. Большинство людей отличаются друг от друга по своей внешности, росту, цвету кожи, телосложению, весу и другим особенностям человеческого тела как физического объекта. Вряд ли, тем не менее, строитель статуи личности начинает свою работу с использования этого материала, так как, казалось

бы, никто не будет пытаться даже из самых точных внешних характеристик человека вывести черты его личности. Однако не стоит торопиться с выводами.

В повседневной жизни накоплено немало наблюдений о связи физической внешности человека с особенностями его характера: люди маленького роста имеют тенденцию ходить большими шагами; полные люди чаще худощавых являются счастливыми обладателями покладистого характера; цвет кожи в определенных общественно-исторических условиях оказывает роковое влияние на весь жизненный путь человека. В античные времена с опорой на факты, говорящие о связи внешнего облика с характером человека, возникло целое учение – *физиогномика.* Его представители по внешнему облику человека распознавали характер, благородные и дурные наклонности личности. Физиогномика не ушла в прошлое, а в некоторых формах и сегодня используется при создании различных типологий характера. Отбрасывая ассоциирующиеся с физиогномикой представления о фатальной предопределенности характера внешним обликом человека, не следует впадать в крайность и изображать всю предшествующую практику распознавания личности по внешнему облику как историю бесполезных ошибок. Факты остаются фактами: при первом взгляде на одного человека иногда хочется с ним заговорить, а при встрече с другим – перейти на противоположную сторону улицы; мужчины атлетического сложения чаще воспринимаются как уверенные в себе, а

худощавые – как честолюбивые и подозрительные и т. д. Так как же обойтись с этими фактами: *отнести внешний облик человека к проявлениям его личности или нет*? Поставленный в такой форме вопрос не имеет ответа.

Личность и прошлый опыт. С большей вероятностью, по-видимому, материалом для строительства статуи личности может послужить прошлый опыт человека – его знания, убеждения, умения, привычки, стереотипы, разнообразные проявления памяти. Человек, лишившийся прошлого опыта, утрачивает ориентацию в пространстве и времени, теряет свое «имя», лишается в известном смысле своего «Я». Мастер описания внутреннего мира личности, М. Пруст красноречиво повествует о могуществе воспоминания, возвращающего человеку его «Я»: «Когда я просыпался среди ночи, то, не соображая, где я, я не сознавал также в первое мгновение, кто я такой; меня не покидало лишь первобытно-простое ощущение того, что я существую, – подобное ощущение может биться и в груди у животного; я был беднее пещерного человека; но тогда *воспоминание* — еще не воспоминание места, где я находился, но нескольких мест, где я живал и где мог бы находиться, – приходило ко мне словно помощь свыше, чтобы извлечь меня из небытия, из которого я не мог выбраться собственными усилиями; в одну секунду я пробегал века культуры, и смутные представления керосиновых ламп, затем рубашек с отложными ворот-

ничками мало-помалу восстанавливали черты моего “Я”»[5].

Образ «Я» возвращается к просыпающемуся человеку через воспоминание истории культуры, его дома, вещей, плана комнаты, одежды. Значит ли это, что вся предшествующая история культуры – память общества, мир принадлежащих человеку вещей, воспоминания детства и т. д. – все это выступает как проявления его личности? Если это так, то, наделив статую памятью и знаниями, строитель превратит ее в личность, а стерев память – лишит возможности стать личностью. Но и этот вывод поспешен. Человек может лишиться багажа своей памяти, очутиться в «беспамятном мире», пережить ощущение смерти «Я»… и при этом остаться личностью.

Историю борьбы личности за возвращение мира описывает известный психолог А.Р. Лурия в своей небольшой книге «Потерянный и возвращенный мир». Герой этой книги, построенной на дневниковых записях, лейтенант Засецкий, у которого вследствие вызванного ранением массивного поражения левой теменно-затылочной области мозга возникли глубокие нарушения речи и памяти: «В результате ранения я все забыл, чему когда-то учился и что когда-то знал… Я все забыл и после ранения сызнова начал расти и развиваться до некоторого момента, а затем вдруг мое развитие приостановилось и так находится в недоразвитом положении и до сего времени. Главное же недоразумение было в моей памя-

---

[5] *Пруст М.* По направлению к Свану. М., 1973. С. 35–36.

ти: я забыл все на свете и теперь снова начинаю осознавать, запоминать, понимать уже той памятью, которой я пользовался еще в детстве…»[6] После ранения у Засецкого нарушилось узнавание вещей, возникло ощущение потери правой половины тела, расстроилось понимание значений слов, распались трудовые навыки. Ему пришлось заново учиться чтению, вспоминать буквы. Засецкий, по его словам, начал жить в беспамятном мире. «Но вот удивительный результат ранения, – продолжает А.Р. Лурия, – оно полностью пощадило мир его переживаний, мир его творческого энтузиазма, оно оставило полностью сохранным его личность, личность человека, гражданина, борца!»[7]

В своем *воображении* Засецкий представляет себя то знатным хирургом, то крупным инженером, то няней, ухаживающей за больными бойцами. Через воображение он создает взамен утраченного беспамятного мира прошлого новые будущие миры, в которых все вновь и вновь находит себя, делает себя личностью. Эти факты говорят о том, что проявления личности несводимы к ее прошлому опыту или знаниям. Вместе с тем воспоминание помогает человеку, утратившему ориентацию в мире в поисках собственного «Я». Становится очевидным, что и *вопрос о том, относятся ли проявления прошлого опыта к феноменам личности или нет, не может быть решен вне той или иной системы ко-*

---

[6] *Лурия А.Р.* Потерянный и возвращенный мир. М., 1971. С. 12.

[7] Там же. С. 118.

ординат изучения личности.

Личность и мотивация. Влечения, потребности, установки, стремления и желания человека – вот, казалось бы, самый проверенный материал для того, чтобы заставить статую личности двигаться и действовать. Нередко говорят, что *каждый человек видит в мире то, что он хочет увидеть, принимает желаемое за действительное.* Дон Кихот, стремящийся встретиться с великанами, принимает за великанов ветряные мельницы и нападает на них. Африканец, оказавшись во власти сформированных в его жизни установок, в день приезда в Лондон ошибочно думает, что все полицейские дружественно настроены по отношению к нему, так как принимает знак остановки транспорта – правую руку полицейского, поднятую ладонью вверх навстречу движущемуся транспорту, – за теплое приветствие. Потребности и установки человека определяют избирательность восприятия и мышления, пристрастность процесса познания мира, давая о себе знать, когда их влияние на действительность становится слишком заметным.

Психологи одного направления, известного в психологии под названием «New Look» («Новый взгляд»), охарактеризовали потребности, установки и желания как «личностные факторы» познания и попытались через изучение влияния этих личностных факторов на познавательные процессы человека судить об его личности[8]. Например, представители

---

[8] См.: *Брунер Дж.* Психология познания. М., 1977.

«New Look» провели следующий весьма иллюстративный эксперимент, убедительно демонстрирующий роль личностных факторов в процессе познания. Они попросили детей нарисовать изображение Санта-Клауса (5 декабря, 21 декабря, 31 декабря. Оказалось, что чем ближе был праздник, тем больше места на карточке занимал Санта-Клаус, тем больше набухал мешок с подарками у него за плечами. После встречи с Санта-Клаусом его изображение на карточке резко уменьшилось (рис. 1).

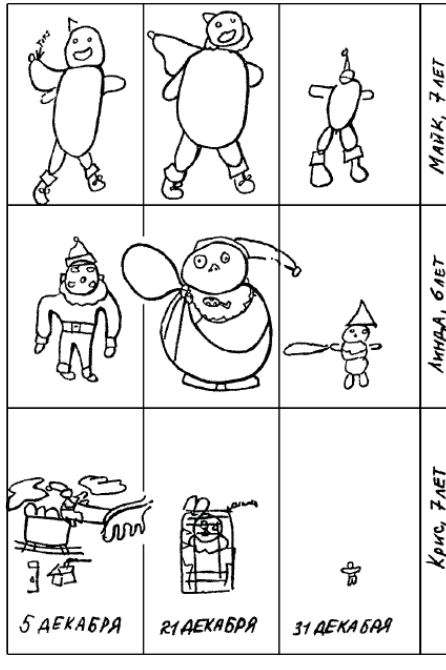

Рис. 1. Влияние желаемого события на изображение детьми Санта-Клауса по мере приближения Рождества (по данным *С. Соллея и Дж. Хайга*, 1957)

Путь, предложенный представителями «New Look» для строительства личности, заманчив. Потребности и установки человека – факторы, детерминирующие избирательность восприятия мира, направленность поведения человека. Но и

этот путь, реально показывающий теснейшую связь мотивационно-потребностной сферы человека с познавательными процессами, не приводит к ответу на вопрос, что такое личность. Потребность в безопасности, потребность в комфорте, потребность в сексе, потребность в любви, потребность в познании, потребность в самовыражении. Список потребностей и влечений разнообразен. Исследователи, перечисляя одну за другой потребности личности, узнают лишь сами эти потребности, а не личность человека. Представление о личности превращается в по-разному сконструированную модель нужд человека, а сама личность сводится исключительно к коллекции нужд, потребностей и влечений.

Личность, цели и ценности. «*Каждый человек стоит столько, сколько стоит то, о чем он хлопочет*», – метко заметил в свое время Марк Аврелий. Ценности, ради которых живет человек, цели, к которым он стремится, действительно входят в пространство феноменов психологии личности. Однако и они сами по себе не являются той силой, которая заставит ожить статую личности. Почему древнегреческий философ Сократ предпочел остаться в темнице и выпить чашу с ядом, а не воспользовался возможностью бежать и покинуть Афины? Сократ остался в темнице, потому что в противном случае вся предшествующая жизнь для него обесценилась бы, утратила смысл. Но если бы Сократ совершил побег, то разве за этим поступком не стояла бы пусть иная, но придающая смысл его существованию ценность? *Ценность*

определяет выбор поступка личности, но что определяет выбор ценности? Анализ самих по себе целей и ценностей, их влияние на жизнь человека оставляют и этот вопрос без ответа.

Личность, язык и речь. «*Каков человек, таковы его речи*», – гласит старое латинское изречение. Оно может служить преддверием к стремительно развивающемуся циклу исследований проявлений национальных обычаев и традиций в языке различных народов, связи языка с индивидуальным сознанием личности и продуктами творчества[9]. Язык во многом определяет видение мира. Связь языка с личностью столь органична, что в лингвистике вводятся и развиваются представления о «языковой личности» (*В.В. Виноградов, Ю.Н. Караулов*). Быть может, достаточно наделить статую языком, и она, действительно, не только заговорит, но и расскажет, что же такое личность. Ведь неслучайно в языке многие исследователи пытались увидеть самое существенное отличие человека от животных. Однако, сколь бы ни преклонялись исследователи перед той ролью, которую выполняет язык в жизни человека, они, застывая порой перед листом белой бумаги, знают, как трудно воплотить мысли в словах. «Мысль можно было бы сравнить с нависшим облаком, которое проливается дождем слов… Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей меры нашего сознания,

---

[9] См.: *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987; Этнопсихолингвистика / Отв. ред. Ю.А. Сорокин. М., 1988.

которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция. Только она может дать ответ на последнее “почему” в анализе мышления. Если мы сравнили выше мысль с нависшим облаком, то мотивацию мысли мы должны были бы… уподобить ветру, приводящему в движение облака»[10]. Без языка любое описание сознания личности было бы обедненным, но не язык рождает сознание, не в языке лежит ключ к пониманию причин действий и поступков личности, к пониманию ее жизни.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.

И латинское изречение, содержащее совет по языку судить о человеке, и строки Ф.И. Тютчева о том, что «мысль изреченная есть ложь», как бы вступают в спор друг с другом, показывая всю неоднозначность решения вопроса о месте языка в жизни личности.

Личность и черты характера. Не исключено, что первичным материалом для строительства статуи личности могут стать *слова, описывающие* проявления поведения личности, *черты ее характера*. Когда о человеке спрашивают:

---

[10] *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1982. С. 356–357.

«Какой он?», то в ответ слышат: «добросердечный», «открытый», «эмоциональный», «злобный», «холодный», «беспечный», «эгоистичный», «вспыльчивый», «общительный», «дружелюбный», «покладистый» и т. д. Эти слова обозначают самые различные черты *личности*, зафиксированные в языке. Иногда эти слова обозначают термином «дескрипторы» (описатели). Список обозначений черт личности в языке огромен. В одном английском языке насчитывают около 17 000 слов, характеризующих проявления личности. Со словесного портрета часто начинают первое знакомство с человеком. Так, в клинических характеристиках аномального поведения личности, являющихся исторически одним из самых ранних свидетельств зарождения интереса к проблеме личности в конкретной науке, присутствует обширная феноменология описания расстройств личности. Однако эти описания преимущественно фиксируют поверхностные проявления личности, нередко полностью совпадающие с чисто житейскими наблюдениями.

Л.С. Выготский приводит случай подмены житейским описанием более глубоких причин поведения личности, с которым он столкнулся в практике консультирования трудновоспитуемого ребенка. Мать, приведшая своего восьмилетнего сына на консультацию к психиатру, рассказала, что ее ребенок испытывает приступы вспыльчивости, аффекта, гнева, злобы, опасен для окружающих. В этом состоянии он может запустить камнем в другого ребенка, даже наброситъ-

ся на него с ножом. «Расспросив мать, мы отпустили ее, – пишет Л.С. Выготский, – посовещались между собой и снова позвали ее для того, чтобы сообщить ей результаты нашего обсуждения. “Ваш ребенок, – сказал психиатр, – эпилептоид”. Мать насторожилась и стала внимательно слушать. “Это что же значит?” – спросила она. “Это значит, – разъяснил ей психиатр, – что мальчик злобный, раздражительный, вспыльчивый, когда рассердится, сам себя не помнит, может быть опасен для окружающих, может запустить камнем в детей и т. д.”. Разочарованная мать возразила: “Все это я сама вам только что рассказала”»[11]. *Психология личности, довольствующаяся описанием, всегда рискует вместо помощи человеку вернуть ему его же рассказ о себе самом.*

Безусловно, анализ черт личности, зафиксированный в языке, необходим при изучении проявлений личности. Однако даже при самой тонкой статистической обработке различных дескрипторов при диагностике личности не следует забывать, что источник этого набора черт – самоописание или внешнее наблюдение. Известный публицист Е.М. Богат, автор цикла книг о проблемах нравственности человека, писал, что после обработки текстов его книг на ЭВМ в этих текстах были выявлены наиболее часто употребляемые термины: сострадание (233 раза), удивление (145 раз), сопереживание (84 раза), восхищение (79 раз), волнение (25 раз), а также с высокой частотой используемые термины «чудо»,

---

[11] *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М., 1982. С. 258.

«кощунство», «святыня». На основе данного набора терминов одним специалистом было сделано заключение о личности автора: «Вы верите в Бога, хотя и скрываете это». Публицист отнесся к этому диагнозу его личности как к грустному курьезу. Черты личности, зафиксированные в терминах языка, в текстах книг, дают какое-то представление о личности. Но можно ли, исходя из набора таких черт, построить портрет личности, прогнозировать ее действия и поступки? Любой ответ на подобный вопрос вновь будет лишен смысла, так как система координат изучения многообразных проявлений личности не очерчена.

Личность и социальные роли. Другой возможный материал для построения статуи личности – социальные роли человека. Роль студента, роль учителя, роль врача, роль инженера… Каждая из социальных ролей связана с определенной функцией, которую человек, принимая роль, начинает исполнять в жизни.

…Весь мир – театр.
В нем женщины, мужчины – все актеры.
У них свои есть выходы, уходы.
И каждый не одну играет роль.

Если поверить У. Шекспиру, то все люди – актеры в театре жизни, каждый из которых в своей судьбе играет разные роли. Тогда дело остается за малым: перечислить репертуар всех ролей, сыгранных в жизни человека, признать мир те-

атром – и статуя личности построена. Но опыт обыденной жизни подсказывает, что и путь строительства статуи личности через перечисление самого полного репертуара ролей теряет в личности что-то существенное, несводимое к исполняемым ею ролям.

Если спросить человека на улице, кто он, то он может ответить «студент», «артист», «пионер», «психолог», «спортсмен», «солдат» и т. п., то есть назовет одну из выполняемых им социальных ролей. По названной социальной роли можно узнать, что стоящий перед нами юноша, например, «студент», но означает ли это, что мы *знаем, кто* этот юноша.

Представление о «социальной роли» в обыденном сознании постоянно соседствует с образами «маски», фасада, за которыми скрывается подлинная натура человека. Ф.М. Достоевский писал о «подпольном человеке», который в каждой личности пытается прорваться наружу. «Все-то дело человеческое, кажется, действительно, в том только состоит, чтобы человек поминутно доказывал себе, что он – человек, а не штифтик»[12], не безличная функция в технологии того или иного процесса жизни. Спор «человека из подполья» с «ролевым человеком», их непрекращающийся диалог в жизни каждой личности – весомое доказательство существования обеих этих ипостасей человеческого бытия. За социальными ролями стоит вполне ощутимая реальность. И вопрос о месте этой реальности в спектре феноменов лично-

---

[12] *Достоевский Ф.М.* Поли. собр. соч.: В 30 т. Т. 5. М., 1973. С. 113.

сти вновь наталкивается на барьер незнания системы координат исследования личности в человекознании.

Личность и поведение. Реакции, действия, поступки, поведение, деятельность человека – еще одно из возможных оснований построения статуи личности. Очевидная истина заключается в том, что в жизни о человеке прежде всего судят по его делам, в том числе и по продуктам его творчества. «*Скажи мне, что ты сделал, и я скажу тебе, кто ты*» – неписаная формула оценки личности в повседневной жизни. Путь к личности через изучение разных проявлений поведения человека, его поступков в тех или иных ситуациях нравственного выбора представляется столь естественным, что его избирают не только умудренные житейским опытом практики человеческого общения, писатели и художники, но и психологи самых различных течений. Тем не менее и на этом пути строителя статуи личности поджидают серьезные затруднения.

Где кончается действие и начинается поступок, с помощью какой лакмусовой бумажки удается отличить приспособленчество от деяния? Внешне одно и то же движение может оказаться и действием, и поступком, и даже деянием. Например, банальное движение – «отвинчивание гайки» – может оказаться поступком, изменяющим судьбу человека, причем сам человек совершенно не будет осознавать последствий этого движения. В рассказе А.П. Чехова «Злоумышленник» герой был задержан за то, что отвинчивал гайку с

железнодорожных рельсов. Судебный следователь так описывает это событие обвиняемому:

> «…Сторож Иван Семенов Акинфов, проходя утром по линии, на сто сорок первой версте, застал тебя за отвинчиванием гайки, коей рельсы прикрепляются к шпалам… так ли это было?..
>
> – Знамо, было…
>
> – Для чего же тебе понадобилась эта гайка?
>
> – Гайка-то? Мы из гаек грузила делаем…
>
> – Но для грузила ты мог взять свинец, пулю… гвоздик какой-нибудь…
>
> – Свинец на дороге не найдешь, купить надо, а гвоздик не годится. Лучше гайки не найтить… И тяжелая, и дыра есть.
>
> – Дураком каким прикидывается! Точно вчера родился или с неба упал. Разве ты не понимаешь, глупая голова, к чему ведет это отвинчивание? Не догляди сторож, так ведь поезд мог бы сойти с рельс, людей бы убило! Ты людей убил бы!
>
> – Избави господи, ваше благородие! Зачем убивать? Нетто мы некрещеные или злодеи какие? Слава те господа, господин хороший, век свой прожили и не токмо что убивать, но и мыслей таких в голове не было…»[13]

Итак, отвинчивание гайки – обычный трудовой *навык, действие* с целью изготовить грузило для рыбной ловли, *про-*

---

[13] *Чехов А.П.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 3. М., 1961. С. 180–181

тивоправное деяние, влекущее за собой гибель людей и строго караемое законом.

Во всех случаях перед наблюдателем внешне представлен один и тот же поведенческий акт человека. И следователь, и «злоумышленник» одинаково описывают внешнюю ситуацию, в которой герой рассказа отвинчивает эту гайку. Однако «злоумышленник» искренне не понимает, за что его судят, а следователь видит перед собой преступника, который не вчера родился и должен отвечать перед законом за свои дела.

Личность и самосознание. Иногда в психологии личность определяют как человека, наделенного сознанием. Сознание, а тем более самосознание человека, осознание им своего «Я» – существеннейшие проявления личности. В чеховском рассказе отчетливо выступает как *несводимость мира личности к самосознанию*, так и трудность через самоотчет человека узнать, стоит ли за поведенческим актом действие или поступок. «Злоумышленник» не осознает последствий своего поведения, несмотря на все усилия следователя раскрыть ему смысл его действий. Факты проявления поведения – от реакций до деяний личности – вне общей системы представлений о человеке столь же неопределенны и многозначны, как и любые описанные ранее феномены.

Личность, талант и творчество. И наконец, в обыденном сознании феномены личности прочно связываются со способностями и неординарностью интеллекта, одаренно-

стью и талантом. Именно оценивая самостоятельность, твердость решений человека, его творческий потенциал, о нем с уважением говорят: «Вот это личность!» Порой между «личностью» и «талантом» прямо ставится знак тождества. Если принять эти феномены за единственно подлинные и сокровенные проявления личности, то строителю статуи личности прежде всего надлежит наделить ее талантом и дать неограниченную свободу творчества. Но вот эпизод из драмы А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери»:

Сальери

Что ты мне принес?

Моцарт

Нет – так; безделицу <…>

(Играет.)

Сальери

Ты с этим шел ко мне
И мог остановиться у трактира
И слушать скрыпача слепого! – Боже!
Ты, Моцарт, недостоин сам себя[14].

А.С. Пушкин устами Сальери резко разводит «талант»

[14] *Пушкин А.С.* Сочинения: В 3 т. Т. 2. М., 1986. С. 444–445.

человека и его «Я». Моцарт как «личность», по мнению Сальери, недостоин такого великого дара, каким является его «талант». Естественно, что без исследования феноменов творчества, таланта психология личности утратит важные особенности существования личности, а статуя личности не оживет. И тем не менее *сведение личности к творчеству или таланту – это опять же важная, но «одномерная» характеристика личности.*

* * *

Таким образом, знакомство с различными проявлениями личности показывает, что на пути создания картины представлений о личности из мозаики разных феноменов вырастают всевозможные трудности. Каждый из этих феноменов, взятый сам по себе и отнесенный к изолированно существующему человеку, не может быть квалифицирован как явление, относящееся к области изучения психологии личности.

Во многом по этой причине психология личности оказалась расчлененной на психологию мотивации, психологию эмоций, психологию воли, психологию индивидуальных различий, которые часто исследуются и преподаются независимо друг от друга. Кроме того, разные проявления личности в зависимости от позиции исследователя принимаются за основной материал, из которого строится психология личности.

Так, *влечения, потребности, мотивы и ценности наиболее детально анализируются в таких направлениях психологии, как психоанализ и гуманистическая психология; факты внешнего поведения преимущественно изучаются в разных вариантах бихевиоризма; в области исследования знаний и убеждений личности уверенно чувствует себя когнитивная психология.* Иными словами, *позиция исследователя определяет выбор фактов, расцениваемых как проявления личности, и выбор методик исследования этих проявлений.*

От методологической установки ученого вообще зависит признание того, существует некоторое явление как факт или же оно плод воображения самого исследователя.

Л.С. Выготский отмечает, что «психоанализ, бихевиоризм и субъективная психология оперируют не только разными понятиями, но и разными фактами. Так, несомненно, реальные общеизвестные факты, как эдипов комплекс психоаналитиков (неосознанное сексуальное влечение мальчика к матери и двойственное отношение к отцу. – *А.А.*), просто не существуют для других психологов, для многих это самая дикая фантазия. Для В. Штерна… психоаналитические толкования, столь же обыденные в школе З. Фрейда и столь несомненные, как измерение температуры в госпитале, а значит, и факты, существование которых они утверждают, напоминают хиромантию и астрологию XVI в. Для Павлова утверждение, что собака вспомнила пищу при звонке, есть тоже не больше чем фантазия. Так же для интроспекциони-

ста не существует факта мышечных движений в акте мышления, как то утверждает бихевиорист»[15]. То, что является бесспорным фактом и объектом многочисленных исследований для одних теорий личности, с порога отбрасывается представителями других подходов. Именно поэтому *перечисленные явления и факты иллюстрируют многогранность проявлений феноменологии личности и заставляют обратиться к вопросу, как изучать личность в психологии.*

Вопрос же о том, как, каким путем изучать личность в психологии, – это вопрос о методе в первоначальном значении этого слова, методе как пути познания. Решение этого вопроса лежит в сфере изучения возможностей приложения разных уровней методологии к психологии личности. Именно поэтому выявление места любого факта в жизни личности предполагает рассмотрение разных уровней методологии как системы координат, очерчивающих сферу изучения проявлений личности в психологии и раскрывающих связь психологии личности с другими областями социальных и естественных наук о человеке.

---

[15] Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 299–300.

Глава 2
Проблема человека в философской картине мира

Функции философской методологии и человекознание

В качестве высшего уровня методологии науки выступает философская методология, задающая общую стратегию изучения принципов познания и построения категориального аппарата в социологии, истории, философии, этнографии, археологии, антропологии, культурологии, семиотике, биологии человека, – словом, в любой конкретной области человекознания, в том числе и в психологии.

Роль философской методологии изучения человека с развитием конкретных наук не уменьшается, а возрастает. Любая конкретная наука в зависимости от задач, стоящих перед ней, видит свой *объективно* существующий пласт проявлений человеческой жизни и по нему порой пытается составить представление о жизни в целом. Так, например, общая биология видит в человеке *организм*, обладающий рядом особенностей, сближающих человека с любыми другими проявлениями жизни на земле: обмен веществ, наличие генетиче-

ской программы, передающейся из генерации в генерацию, и т. п. Биология человека ставит своей целью изучение специфических особенностей *индивида* как представителя вида Homo sapiens, обладающего рядом существенных отличий от любых других биологических видов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.